

М.А. Косарик (Москва, Россия)

**Разработка лексикологической проблематики
в ранних грамматиках, трактатах и диалогах о языке
(на материале филологических сочинений Португалии)**

Аннотация: Лексическая проблематика в португальской лингвистике XVI–XVII вв. рассматривается не только в словарях, но и в филологических памятниках других жанров: в грамматиках, трактатах и диалогах о языке.

Процесс становления некоторых идей современной лексикологии в эпоху, предшествующую Пор-Роялю, можно проследить на примере португальских сочинений. 1. Их авторы представляют понимание слова как единицы языка, отражают членимость слова, ставят вопрос о границах слова, об аналитическом слове, выделяют, помимо словоизменительных, морфемы словообразовательные и корневые, что позволило создать словарь, основанный на принципе словообразовательного гнезда. 2. В сочинениях, кодифицирующих норму, решаются вопросы отбора образцовых вариантов в лексике (ориентация на латынь или на португальский узус, возможность употребления диалектизмов, архаизмов, неологизмов, заимствований), отмечается различный характер лексики в речи разных социальных групп. При фиксации орфографии намечаются элементы орфографического словаря. 3. Зарождение исторического подхода к языку, задача уяснения состава и источников португальской лексики, решавшаяся с учетом семантики и исторических процессов в фонетике, подводит к формированию современного понимания этимологии, позволив создать прообраз португальского этимологического словаря со значительным числом правильных этимологий. 4. В грамматиках, создававшихся для обучения общению на иностранном языке, представлены дискурсивные слова с различными коммуникативными функциями.

Разработка вопросов лексики в сочинениях, формально не связанных с лексикологией, способствовала не только созданию разных типов словарей, но и структурированию научного знания – становлению словообразования и лексикологии как особых дисциплин.

Ключевые слова: история лингвистической мысли, лингвистическая историография, лексикология, норма, этимология, португальский язык

Analysis of Lexicological Problems in Early Portuguese Grammars, Treatises and Dialogues on Language

Abstract: In the Portuguese linguistics of the 16–17th c. lexical issues were discussed not only in dictionaries but also in grammars, treatises and dialogues on language.

Pre-Port-Royal Portuguese linguistic writings help to trace the evolution of some ideas in modern lexicology. 1. Their authors views the word as a language unit, discuss its divisibility into meaningful parts, write about its boundaries, analytical word, about the root, flexional and derivational morphemes, which led to the creation of derivational dictionaries. 2. In writings codifying the language norm Portuguese authors discuss the origins of target lexemes and note lexical variation in the social dimension. By fixing orthography, they pave way to creating orthographic dictionaries. 3. Portuguese linguists write about the origins of lexis, semantics and historical changes, leading to the modern understanding of etymology and creating a prototype of modern dictionary with correct etymologies. 4. In grammars designed for teaching foreign languages one can find the description of discourse particles and their functions in communication.

The development of lexical subjects in the non-lexicological writings led not only to creating dictionaries of various types but also structuring scientific thought, to the growth of lexicology and rise of new disciplines.

Key words: history of linguistic thought, linguistic historiography, lexicology, norm, etymology, Portuguese language

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Традиционно исследователи ранних этапов истории языкознания, в частности XVI–XVII вв., обращаются прежде всего к словарям и на этом практическом материале делают косвенные выводы о понимании вопросов лексики в изучаемую эпоху. Между тем разработка многих важнейших понятий и принципов описания лексики, не только определяющих характер словарей, но и подводящих к созданию лексикологии как особой дисциплины, первоначально осуществляется и, что особенно важно, эксплицируется в сочинениях совсем других жанров: в грамматиках, трактатах и диалогах о языке.

Цель данной статьи состоит в наблюдении над тем, какие аспекты слова привлекают внимание филологов на этапе становления романских языков как национальных литературных языков, который совпадает с ключевым, на наш взгляд, периодом формирования лингвистики как зрелой науки [Косарик 1995; Kossarik 2016b]. Пониманию лингвистами изучаемой эпохи слова как единицы грамматической системы посвящена одна из глав книги о начальном этапе истории португальской лингвистики [Косарик 2013b: 45–66]. В данной же статье рассматривается представление авторами грамматик и трактатов лексической проблематики.

Разумеется, о ее понимании можно судить и по ранним словарям. Португальская лексикографическая традиция, начавшаяся в XVI в., имеет давнюю, но своеобразную историю (так, в ней отсутствует Академический словарь португальского языка в классическом, традиционном его понимании, и не потому, что не было попыток его создания, а в силу особого отношения к норме, проявившегося в португальской лингвистике с самого начала ее существования, и ее соотношения

с узусом [Косарик 2007]). Прежде всего, были созданы португальско-латинский и латинско-португальский словари Кардозо [Cardoso 1570], Барбозы [Barbosa 1611], Перейры [Pereira 1647]. Кроме того, португальская составляющая включается в многоязычные словари, продолжающие принцип словаря Калепино, – словарь Робореду [Roboredo 1621]. Особая характерная черта португальской (как и испанской) лексикографии раннего этапа ее существования – создание словарей языков новооткрытых территорий: Японии, Индии, индейцев Бразилии (значительная их часть остается в рукописях). Истории португальской лексикографии посвящена значительная литература, мы же обратимся к материалу, практически не рассматривавшемуся с позиций истории лексикографии, хотя многие аспекты лексики, часто находящиеся на стыке лексикологии и других лингвистических дисциплин, затрагиваются, помимо словарей, в филологических сочинениях разных жанров: грамматиках, диалогах и трактатах о языке¹, изданных в XVI–XVII вв. в Португалии и ее колониях, либо португальскими авторами за пределами страны.

Обращение к отражению лексической проблематики в грамматиках, диалогах и трактатах XVI–XVII вв. оправдывается тем, что именно в этих сочинениях, созданных на начальном этапе становления европейской лингвистики как зрелой науки, авторы эксплицируют некоторые важные для формирования современной лексикологии понятия и принципы описания, в то время как словари являлись уже их практической реализацией: представления о слове как о единице языка; понимание вопросов словообразования и появление тенденции его выделения в особую область лингвистики; принципы фиксации лексической нормы; зарождение представлений об исторической лексикологии и об этимологии в современном понимании этого термина.

СЛОВО КАК ОСНОВНАЯ ЕДИНИЦА ЯЗЫКА. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГРАНИЦ СЛОВА, ЕГО ЧЛЕНИМОСТЬ

Для большинства авторов португальских лингвистических сочинений эпохи слово является основной единицей языка (хотя уже намечается тенденция к выделению уровня предложения, особенно ярко она проявляется в универсальной грамматике Робореду «Грамматический метод для всех языков» 1619 г. [Roboredo 1619: 90–101]; Косарик 2013а).

В определении слова грамматисты опираются на различные критерии. Оливейра, автор первой грамматики португальского языка 1536 г., исходит из логико-семантического критерия и пишет, что слово обозначает вещь (как артикль и имя), действие (как глагол) или модус (как любая другая часть речи), что свидетельствует о связи португальской грамматической доктрины со средневековой традицией, с делением слов на имена, глаголы и синкатегоремы в логике схоластов, восходящей к Аристотелю.

Das dições. Dição, vocabulo: ou palavra: tudo q̃r dizer hũa cousa: e podemos assi dar sua definiçã. Palavra e voz que senifica cousa ou auto ou modo: cousa como artigo e nome auto como modo verbo como qualquer outra parte da oraçãõ [Oliveira 1536: Civ].

Барруш в грамматике 1540 г. представляет слово как основную единицу языка в самом определении грамматики, подчеркивая роль слова как инструмента понимания, познания.

¹ Помимо португальского, в них описываются латинский, древнееврейский, тупи-гуарани, конкани (один из языков Индии, который автор называет *sanarim*).

Nós podemos lhe [a gramática] chamar artefício de palavras, pósta é seus naturáes lugáres: pera que mediãte ellas, assi na fâla como na escitura, venhamos em conhecimento das tenções alheas. Por que bem assy emtram as leteras pela vista, como as palavras pelos ouvidos: instrumento comque o nósso intendimeto recebe as mais das cousas [Barros 1540: 2].

Для Робореду важнейшее свойство слова, лежащее в основе его определения, – именование: «Palavra he voz, com que cada cousa se diz, ou chama» [Roboredo 1619: 64].

Ренессансным авторам пришлось решать вопрос о делимитации слова, который в позднеантичном грамматическом каноне практически не рассматривается. С проблемой структурной цельности слова, цельных и членимых (аналитических) словоформ впервые сталкиваются авторы грамматик романских языков вследствие формирования в романских языках аналитических форм, соответствующих латинским синтетическим. Перед первыми португальскими лингвистами встает задача различения, с одной стороны, синтетического и аналитического слова, а с другой – отделения аналитических форм от конструкций. Барруш, Нунеш де Леан, Робореду демонстрируют аналитизм романского глагола. Различение аналитических форм и конструкций оказывается связанным с пониманием категорий имени и глагола и проявляется во включении или не включении их в парадигмы именного и глагольного словоизменения. Барруш представляет как аналитические, противопоставленные латинским синтетическим, португальские формы степеней сравнения прилагательных, сложные глагольные формы [Barros 1540: 8, 25]. Эта тенденция распространилась и на грамматику латыни: аналитизм португальского глагола, в сопоставлении с латинскими синтетическими формами, отражают Резенде, Алвареш, Робореду, Нунеш де Леан.

Præt. perfectum. Eu haia, ou tenha amado [...]. Amáverim [Resende 1540: Diiij]. Amavi, Eu amei, ou tenho amado [Alvares 1572: 16v]. 1. Preterito. Eu Am-éi, tenho, & tive amâdo. Ego Amáv-i. [...]. 1. Plusquãperf. Eu am-ára, & tinha am-âdo. Ego Amáv-eram [Roboredo 1619: 15–16]. De duas vozes destas s. [...] da impessoal & passiva carece a lingoa Portuguesa como as outras, Hespanhoes, Italiana & Francesa, porque o que haviaõ de dizer per suas palavras directas & extendidas, como fazem os latinos, & os Gregos o dizem por circumloquios, & arto-deos de vozes emprestadas do verbo substantivo sou, es [Leão 1606: 117–118].

С особой остротой проблема делимитации слова встает перед авторами миссионерских грамматик. Описания неиндоевропейских языков иллюстрируют зарождение представлений о возможности различного понимания границ слова в разных языках, соотношения слова и его части, слова и конструкции. В этих грамматиках на эмпирическом уровне решается проблема делимитации слова, определения его границ и целостности: отличия слова, с одной стороны, от морфемы, с другой – от словосочетания. Описание частей речи у авторов первых грамматик языка индейцев Бразилии, Аншьеты (1595 г.) и Фигейры (1621 г.), отражает трудности делимитации слова в тупи-гуарани, для которого характерна инкорпорация. Столкнувшись с этим явлением, авторы миссионерских грамматик пишут о «композиции», «аппозиции», о слове (части речи), уделяют большое внимание явлениям морфонологии, указывают на единое ударение в этих структурах.

Os nomes substantivos se compoem com adjectivos, præcedendo sempre os substantivos, & se tem accentto na ultima, ficão inteiros, ut mbaecatú, mbaéaiba, nbungatú, nhúaiba. Se tem acentto na penultima & encontram cõ vogal, perdem a ultima vogal, ut tûba ete, tubeté, pai verdadeiro. Se encontram com consoante, perdem toda a ultima syllaba, ut tûba, catú, tucatú. [...] Substantivos cõ substantivos, cõ a mesma mudãça. [...] E ainda se soem compor tendo o precedente accentto na ultima, ut cunumî, minino, téra, nome, cunumiéra, pro cunumirera, pueri nomen, usus docebit [Anchieta 1595: 8v–9v]. Os verbos [...] se compoem com algûas partes da oração, e na

conjugação não se faz caso senão da ultima terminação, ut: Com adverbios. aicuâb, sey, catû, bem. [...] he quasi como quando se interpoem o nome, servindo hum dos verbos por nome interposto, ut açûgebîr [Anchieta 1595: 52]. E na composiçãõ ha muita variedade. De dous verbos às vezes se compõe hum. v. g. Aymonhang, faço; Aicuab, sei; Aimonhanguab, sei fazer. Outras vezes do verbo activo, & do seu accusativo, se compõe hũ verbo neutro, ut Aimongueta Tupã; Atupãmongueta; & entãõ se cõjuga como neutro. Outras vezes entre o artigo do verbo activo se mete hũa das tres letras, que servem de relativos, i, ç, com zeura, T, & juntamente o nome que avia de ser accusativo do verbo; & de tudo se forma hũ só verbo activo. E a fora isso tẽ outro accusativo, ut Aycomonhang xeruba, faço a rossa de meu pay; A, he o artigo, i, he relativo, co, rossa, he accusativo, monhãng, he o verbo activo, em direitura, Faço a sua rossa a meu pay [Figueira 1621: 47v–48]. As duas primeiras [syllabas] Nho, Yo, quando compoem, ou se ajuntãõ a algum verbo Activo, sempre denotãõ numero plural, & communicaçãõ de hũs pera com os outros: ut Aimongueta, fallar; Onhomongueta, fallãõ huns para com outros, ou hum com outro [Figueira 1621: 43v]. As duas particulas Nhe, Ye, compondo verbos activos [...] denotãõ cair a aççãõ de cada pessoa sobre si mesma: ut xe ayeiuca, eu me mato a mim mesmo [...]. E se o verbo, a que qualquer destas syllabas Nho, Yo, Nhe, Ye, se ajuntãõ começar por ç, com zeura; o tal ç, se perde, ut açauçub, Aycauçub [Figueira 1621: 44].

Утверждая, в соответствии с античным каноном¹, что слово – минимальная значащая единица языка, что части слова не значат, португальские лингвисты при описании разных языков выделяют значащие части слова: флексии, суффиксы, префиксы (продолжая, таким образом, процесс, начатый еще в античности). Соуза в латинской грамматике 1535 г., помимо исходов, характерных для разных родов имени (-a, -us, -u), приводит «окончания», служащие для образования уменьшительных имен, и, хотя они не всегда полностью совпадают с уменьшительными суффиксами, примечательны сами попытки выделения словообразовательных морфем.

Que finiunt a, sunt feminina [...]. Que finiut u, neutra sunt [Sou, viij]. Que finiunt us, in secunda aut quarta declinatione, sunt masculina [...]. Que finiunt us, in tertia declinatione, sunt neutra [Sousa 1535: ixv]. Personale [verbum] quod per distinctas peronas & terminationes variatur, ut Amo, as [Sousa 1535: xxiiijv]. Letera mutãt genera [participii] per terminationes more adiectivorum, ut Albus, a. um [Sousa 1535: xlvj]. Nominum, tamen diminutivorum non est certa ratio qua possint formari, quia exeũt in varias terminationes. Sed plerũq; In ulus. a. um. ut fraterculus. sororcula. minusculum. Aliquando in io, ut [...] senecio. Aliquando in aster. a. um. ut pinaster. filiastra. apiastrum [...] In olus. a. um. ut Sergiolus [...]. In ellus. a. um. ut tenellus [Sousa 1535: iijv].

Значительное число морфем, выражающих различные грамматические и словообразовательные значения, мы находим в первой грамматике португальского языка. При описании словообразования Оливейра приводит различные аффиксы с указанием их словообразовательных значений: суффиксы отглагольных существительных², уменьшительные и увеличительные, образования наречий, имен со значением специальностей и мастерских.

a regra ãõ demos dos nomes dos offiços ãõ acabassem em .eiro. [carpenteiro, çapateiro] damos das offiças ou lugares desses offiços cujos nomes acabarãõ em ria [...] çapataria, carpentaria. [...] e regra geral ãõ os nomes verbaes femeninos acabem todos em ãõ como liçãõ, oraçãõ e os masculinos em or, como regedor, governador, e os demenutivos em inho ou inha, como moçinho, moçinha, e os aumentativos em az ou ãõ. [...] os averbios os quaes quando sãõ tirados polla mayor parte ou sempre acabãõ em mente, como cõpridamente, [...] os averbios acabados em mente significãõ calidade. [...] hũs certos nomes verbaes em mento, como cõprimẽto [Oliveira 1536: Dvj v–Dvij].

¹ Отметим, однако, что у Доната и Присциана, прослеживается явная тенденция к выделению словоизменительных морфем.

² Не во всех случаях автору XVI в. удается выделить суффикс целиком, иногда он вычленяет лишь его часть: ãõ вместо -çãõ, og вместо -dor.

Оливейра выделяет префиксы, сопоставляя, с одной стороны, непрефиксальный глагол и образованные от него префиксальные, а с другой – глаголы, образованные с теми же приставками от других производящих (*fazer, contrafazer, refazer, desfazer* ↔ *revender, desconcertar*). Автор видит роль словообразовательной морфемы в изменении семантики слова при деривации. Хотя, в соответствии с традицией, он якобы отрицает существование значения у приставок, оговаривая, что приставки «сами по себе, отдельно не означают, но заставляют слова, к которым присоединяются, означать большее, меньшее или противоположное», ниже приводит значения выделяемых префиксов: «...часть *re* при образовании сложных слов имеет значение усиления, *des* – значение разрушения, уменьшения или противоположного действия, *com* – совместного действия». Грамматист показывает возможность разных изменений лексического значения слова при префиксации: различает приставки, указывающие на направление, время протекания, степень проявления действия; отмечает появления у слова значения, полностью отличного от значения производящего (*pedir – impedir, fazer – desfazer*); пишет, что, «когда сохраняется то же значение, оно либо усиливается, как в случае *vender* и *revender*, либо ослабляется, как в случае *acertar* и *concertar*, так как *acertar* ближе к окончанию, чем *concertar*, и несет значение большей совершенности действия».

as partes re, es, & des. As ães se ajuntão assi: revender, estorvvar, desconçertar. E porẽ em que não sinifiquem apartadas por si, fazem sinificar as dições com ã se ajũtão mais ou menos, ou ã contrairo. [...] quãdo ficão na mesma sinificação ou acreçentão essa sinificação como vẽder e revender ou a demenuẽ como açertar e cõçertar porã mais chegado e ao fim açertar que conçertar e traz cõsigo mais perfeição desse auto [...] esta parte .re. no ajuntamẽto tem virtude de acreçẽtar, e estoutra des. tem virtude de desfazer ou diminuir ou fazer o contrairo, e como esta parte .com. sinifica muitas vezes cõpanhia, cujo exẽplo seja conchegar e conjuntar [Oliveira 1536: Cvij v, Cvij v].

Португальский автор XVI в. делает шаг на пути выделения корневых морфем, связывая лексическое значение не только со словом в целом, но и с определенной частью слова, которая может не являться самостоятельным словом, а входить в другие слова.

*As dições juntas a ã os latinos chamão cõpostas sã cujas partes apartadas sinificação ou podẽ sinificar e sã dições por si ou partes doutras dições ã ã premeiro servião e donde tẽ seu premeiro e ãprio [*próprio*] naçimẽto ao cõtrairo das apartadas, ou as dições jũtas são aãllas ã q se ajuntão diversas dições ou suas partes fazẽdo hũa so diçã [Oliveira 1536: Cvij].*

Таким образом, первая португальская грамматика свидетельствует, что лингвистика исследуемого периода выделяет элементы слов, носители значений, которые выражают отношения между вещами во внеязыковой действительности. При описании словообразования Оливейра интерпретирует дериват, выделяя в производном слове его составные элементы, что приближает автора к установлению отношений производности между дериватом и производящим словом, к установлению семантического и формального сходства и различия между мотивирующим и мотивированным словом. В результате ренессансный автор выделяет корневые и словообразовательные морфемы, связанные с определенными значениями, делая важнейший шаг в формировании представлений о членимости слова.

В грамматике Барруша, представляющей значительное число словоизменительных морфем, из словообразовательных аффиксов выделены только увеличительные суффиксы, которые автор связывает с эмоциональной оценкой. «Увеличительные имена [...], которые почти все оканчиваются на *am* и *az* (*mulheirão*, са-

valão, velhacaz, ladrabaz), всегда выражают презрение, уничижение человека или вещи, к которым их относят» [Barros 1540: 9].

Нунеш де Леан, автор трактатов «Орфография» 1576 г. и «Происхождение португальского языка» 1606 г., приводит уменьшительные суффиксы, причем с характерным для него вниманием к сопоставлению романских языков, не только португальские, но и латинские, итальянские.

os diminutivos, que em nossa lingua acabão em ,te, [...] como verdette, pequenette, scudette, [...] que para significar diminuição acabamos nestas terminações, como os Latinos acabão os seus diminutivos em ellus ou illus. Como os Italianos [...] nas terminações de etto, ou otto, por denotarẽ significação diminutiva [Leão 1576: 39].

Касаясь фонетических и семантических соответствий латинских и португальских префиксов, Нунеш де Леан обнаруживает характерную для префиксов фонетическую вариативность, отмечает явления фузии [Leão 1576: 38–40, 42–48].

В грамматике древнееврейского языка Таворы, помимо различных словоизменительных морфем (показателей рода и числа имени, залога глагола), мы находим понятие корня («корневых букв»), к которому автор прибегает, следуя еврейской грамматической традиции, выработавшей это понятие¹ благодаря особенностям глагольного словоизменения в этом языке.

Coniugationis indicem, nec admittat in secunda radicali litera Daghes forte [...]. Habet autem hæc prima coniugatio sub. p [...]. i. prima radicali litera. [...] hæc literæ radicales sũt verborũ & neutror, sive intransitivorum [Távora 1566: Ciiii–Ciiiv].

Помимо грамматики Таворы понятие корня содержится в трактате Робореду, представляющем учебный латинский словарь этого автора «Raizes da lingua latina mostrados em um tratado e dicionario» («Корни латинского языка, показанные в трактате и словаре») [Roboredo 1621]. В рекомендациях, адресованных изучающему латынь, Робореду пишет о «корневых буквах»², которые остаются неизменными при деривации и вычлняются после отделения приставок и флексий, что дает нам основания говорить о вполне сформировавшемся понятии корня у автора начала XVII в.

fica clara a Investigaçãõ do Simple, & Primitivo. & achando o Simple o poderás outra vez compor de muitos modos, & derivar do Primitivo hũa, & muitas palavras diversamente: & [...] poderás descobrir as letras radicais, que se não mudão, como por exêplo se tẽ ocorrer esta voz Occurrebatis, tira esta syllaba, Oc, [...]: depois tira Ebatis, q̃ na Grammatica se ensina que se converte em O, e assi tẽs Curro, em que são letras immudaveis, Curr- as quaes verás no dictionario maiores [Roboredo 1621: 9].

В «Грамматическом методе для всех языков» [Roboredo 1619]³ Робореду приводит многие португальские словоизменительные морфемы в сопоставлении с латинскими.

Значительное число формантов с различными грамматическими и словообразовательными значениями вычлняют авторы миссионерских грамматик. Аншьета помимо показателей грамматических значений разных частей речи приводит различные словообразовательные форманты, в частности служащие для образования диминутива. Фигейра выделяет словообразовательные форманты отглагольных имен, отмечает различия в значениях лексем, образованных при помощи

¹ О проникновении понятия корня в европейскую лингвистику из восточной грамматической традиции см.: ЛЭС [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 146], Робинс [Robins 1974: 146], Алпатов [Алпатов 2005: 9–41].

² В издании словаря эти «корневые буквы» выделены особым шрифтом.

³ «Methodo grammatical para todas as linguas» [Roboredo 1619] явился первой универсальной грамматикой [Косарик 2013а; Косарик 2013b; Kosarik 2002; Kosarik 2003; Kosarik 2015; Leite 2011].

разных формантов. Тенденция к выделению словообразовательных морфем намечается и у Эштевана в грамматике конкани (*sanarim*) 1640 г.; в одних случаях он специально указывает на словообразовательные морфемы, в других нет, но и тогда они легко вычлняются при сопоставлении дериватов с производящим словом и с другими дериватами.

Tambem i serve de diminutivo, maxime nos nomes, ut *xejára*, *xejari*, *meu senhorzinho*, *xembaê*, *xembaei*, *minas coisinhas* [Anchieta 1595: 54]. Estes verbaes saõ commũmente em tres maneiras; huns acabados em *Ara*, ou *Ana*: outros acabados em *Aba*. Os terceiros em *yra*. Assi como do verbo *Ajúca*. *Iucaçâra*, o matador. *Iucaçâba*, o instrumento, ou lugar, ou tempo, ou modo de matar. *Ijúcapura*, a cousa morta [Figueira 1621: 37v]. Responde [ao latino] ,*qui*, *quæ*, *quod* [...] *connuyecu*, *i*, *a*, a este acrescentando *lhe hũ* , *i*, na ultima syllaba fica tendo o sentido de *nullus*, *a*, *um* [Estêvão 1640: 19–19v]. Destes nomes de numerar [...] se formaõ hũs adjectivos, [...] de cinco pera diante acabaõ todos os adjectivos em, *auo*, *ut*, *panchauo*, *y*, *ẽ*, *fauo*, *y*, *ẽ*, com declaraçaõ que do segundo pera cima se poẽ antes os tais adjectivos a particula *yeca*, ut *Yecauissauea Varusta*, no anno *Vizessimo primo* [Estêvão 1640: 20v–21].

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

В античном грамматическом каноне проблематика словообразования включена в описание морфологии частей речи и представлена акциденциями «вид» и «фигура», которые характеризуют слово с точки зрения производности и состава. Грамматическая традиция различала, в зависимости от используемых формальных средств, словопроизводство (деривацию) и словосложение (композицию). Присциан при описании «вида» различает слово первичное (непроизводное) и производное, различает три «фигуры»: простую, сложную и производную от сложной (*simplex*, *composita* и *decomposita*). Префиксация относится к словосложению, приставку и предлог Присциан не разделяет. Наряду с этим подходом к вопросам словообразования, утвердившимся в позднеантичном каноне и воспринятым дальнейшей грамматической традицией, необходимо отметить концепцию произвольного и природного склонения и внимание к словообразовательным гнездам у Варрона, который оказал значительное влияние на Оливейру.

В португальских лингвистических памятниках описание словообразования могло занимать разное место. В основном, в соответствии с канонем, грамматисты включают словообразование в описание частей речи, относя его к упомянутым двум акциденциям (*espécie* и *figura*). Этому традиционному принципу следуют Соуза, Барруш, Тавора, Фигейра. Однако в грамматиках XVI–XVII вв. намечается и существенное изменение канона – тенденция к разделению описания словообразования и словоизменения. Эту инновацию, предвосхищавшую выделение словообразования в особую дисциплину, вносит Оливейра, не использовавший термин «акциденция» и четко разделивший описание словообразования и морфологии частей речи. Автор первой португальской грамматики относит словообразование и словоизменение к склонению [Oliveira 1536: Div–Div v], сближаясь в понимании склонения с Варроном, на которого многократно ссылается. По Оливейре, произвольное склонение – это образование слов «одно от другого, каждый, образуя одно слово от другого, осуществляет его по своему усмотрению», в то время как «естественное склонение больше подчинено правилам и законам, которыми руководствуется искусство грамматики».

Marco Varrão divide as declinações em *naturaes* e *voluntareas*: *volütareas* são as ã cada hũ faz a sua vontade tirãdo hũa voz doutra, como de Portugal portugues e de Frãça frãces, mas de Frandes framengo e de Galiza galego. [...] As declinações *naturaes* são mais sogeitas as regras e leis de cujo mandado se rege esta arte [Oliveira 1536: Dv–Dvj].

В качестве примеров произвольного склонения Оливейра приводит образование этнонимов от топонимов, прилагательных от существительных, отглагольных существительных и прилагательных, грамматических дублетов: Portugal – português, Grécia – grego, Gócia – godo; pedra – pedregoso, areia – areento; pescar – pescador, pescadeiro, pescaresco; bacio – bacía, sero – sera, cesto – cesta; к естественному склонению он относит изменение форм артикля, имени, глагола [Oliveira 1536: Dv–Dvij]. В главах, посвященных естественному склонению, грамматист представляет морфологию частей речи [Oliveira 1536 Dvii–Eiv v]. Таким образом, граница между естественным и произвольным склонением оказывается границей между словоизменением и словообразованием. Граница эта не вполне четкая – Оливейра колеблется, к какому склонению отнести образование отглагольных существительных, наречий на -mente, имен с уменьшительными и увеличительными суффиксами [Oliveira 1536: Dvi v–Dvij; Eiv v]¹. Вопросы словообразования Оливейра рассматривает в разделах «Об аналогии»² и «О словах»³. Автор подчеркивает роль словообразования в пополнении словаря: «Мы образуем одни слова от других, чтобы обогатить наш язык, чтобы у нас не было недостатка в словах для [обозначения] вещей».

Tiramos ou formamos hūas diçōes doutras ãa [para] abasteçer e fazer copiosa a nossa língua e porç nos não faltẽ vocabulos nas cousas [Oliveira 1536: Diii–Diii v].

Грамматист указывает на соотношение имени и вещи, ставит вопрос о связи семантики производящего и производного слова, о мотивированности производного слова. Словообразование рассматривается в связи с изменением формы и изменением содержания. В образовании одних слов от других Оливейра находит рациональные основания – стремление отразить в производном слове связь вещей во внеязыковой действительности: «Поскольку одни вещи являются или кажутся нам похожими на другие или происходят от других вещей, будучи их видами, точно так же одни слова являются как бы видами других слов, и мы создаем похожие и близкие по звучанию: tinteiro получило свое имя из-за близости к tinta, velhice – к velho, потому что она свойственна старику, honrada или honrado – к honrar. Как в вещи, так и в звучании, много общего, и мне кажется, не следует это считать недостатком, будто не смогли найти слов, напротив, в соответствии с хорошим разумом, сохранили сходство вещей в словах; таким образом, слова оказываются более ясными и лучше выражают свои значения, потому что различие слов показывает, что есть различие в вещах, так же, как сходство слов дает нам понять, что вещи не различны».

porç ũas cousas ou são ou parece chegadas a outras: ou tãbẽ descendẽtes e espeçeas dellas assi isso mesmo fazem hūas diçōes çsi [quase] como espeçeas ãtiçipãtes [participantes] doutras: e ã outras fazemos as formas semelhãtes e chegadas ã voz como tinteiro: pela vezinhẽça e trato que tẽ cõ tinta lhe poserão esse nome e velhiçe de velho porque e sua ãpria [própria] e hõrada ou hõrado de hõrar; tẽ muita parte assi na cousa como na voz e a meu ver não digamos ç foy isto defeito de não acharẽ vocabulos: mas e conforme a bõa rezão ç aja e se guarde a semelhãça das cousas nas vozes e assi são mais claras e dizẽ melhor seus sinificados porç a

¹ Отметим, что грамматист XVI в. колеблется тех случаях, когда явление лежит в области пересечения лексики и грамматики, ср.: [Курилович 1962: 62–64].

² Термин употреблялся для обозначения морфологии (так назывался раздел грамматик, посвященный частям речи и их категориям).

³ Этот раздел грамматики Оливейры посвящен лексике. Среди классов слов, дифференцируемых по различным признакам (по исторической перспективе, происхождению, сфере использования), есть и выделяемые по словообразовательным характеристикам (первичные и производные, простые и сложные).

diversidade das vozes mostra aver diversidade nas cousas e tãbẽ a semelhãça por cõseguĩte das vozes faz entẽder q̃ as cousas não são deferẽtes [Oliveira 1536: Diiij v].

Таким образом, грамматика Оливейры отражает связь словообразования и с лексикологией, и с грамматикой, предвосхищая особое место словообразования в кругу лингвистических дисциплин.

Робореду, продолжая эту тенденцию, вообще отделяет словообразование от собственно грамматического описания. В его грамматических сочинениях, где при описании частей речи и их категорий приводятся многие португальские и латинские морфемы, вопросы словообразования не затрагиваются, «вид» и «фигура» не рассматриваются [Roboredo 1619; 1625]. Однако это отнюдь не значит, что Робореду не интересуется этой проблематикой. Напротив, именно словообразованию посвящен упоминавшийся выше небольшой трактат «De composição e derivação e Orthografia das voses Latinas» («О композиции, деривации и орфографии латинских слов»), возможно, первое в европейской традиции специальное сочинение по словообразованию. Показательно включение автором этого сочинения именно в словарь («Raizes da lingua latina mostrados em um tratado e dicionario» – «Корни латинского языка, показанные в трактате и словаре») [Roboredo 1621]¹. Робореду учитывает проблематику словообразования при организации словарной статьи, вычленение корней позволяет ему создать словарь на основе словообразовательного гнезда, в отличие от первого португальского словаря Кардозу [Cardoso 1570] и более позднего словаря Перейры [Pereira 1647]. Примером может служить статья *Faciõ*: она содержит формы латинского глагола, некоторые замечания грамматического характера, объяснение значения латинской лексемы, ее португальские и испанские соответствия, описание сочетаемости латинского глагола с существительными, относящимися к разным семантическим полям, кроме того, значительное место в словарной статье занимает образование дериватов, композитов от латинской лексемы. Робореду приводит полный список префиксов и корневых морфем, участвующих в образовании новых слов от ее основы [Roboredo 1621: 136–137]. Это заставляет вспомнить о современных словарях сочетаемости и словарях морфем.

Таким образом автор начала XVII в., уже вполне отделяет словообразование от словоизменения, которые представлены в трудах, относящихся к разным сферам описания языка. Включение трактата по словообразованию в словарь подчеркивает связь словообразования с лексикологией; в то же время описание Робореду отражает и связь словообразования с морфологией. Все это говорит о развитии тенденции к выделению словообразования в самостоятельную лингвистическую дисциплину, лежащую на стыке морфологии и лексикологии.

Грамматисты XVI–XVII вв. внимательны к вопросу о способах словообразования – деривации и композиции. Соуза относит к дериватам посессивы, диминутивы, имена, образованные от имен, глаголов, причастий и наречий, патронимы, компаративы и суперлативы [Sousa 1535: iiijv]. Композицию Соуза понимает как возможность разделения слова на части, значащие сами по себе, самостоятельно. Префиксация характеризуется как композиция.

Quot sunt figure? Due. Simplex, que non potest dividi in partes significativas eius quod integrum significabat, ut Aptus. Cõposita que potes dividi in partes significativas eius quos integrum signifacabat. ut Ineptus [Sousa 1535: x v].

¹ В создании этого словаря Робореду ориентируется на словарь Калепино.

Авторы первых португальских грамматик также пишут о словопроизводстве (деривации) и словосложении (композиции) – так, Оливейра различает «первое имя», результат первичной номинации, и производящее слово, – однако, отходя от античного канона, авторы грамматик португальского языка уже не выделяют в особую группу сложные слова, образованные от других сложных слов, и не различают классы сложных слов в зависимости от изменения значения композита. Они исходят только из формального критерия (участия в акте словосложения двух единиц), а не разнородных критериев (формального и лексико-семантического), что сближает ренессансных грамматистов с современным пониманием словосложения. Оливейра определяет простое слово как не разложимое на целые слова («оно делится только на слоги или звуки»). Он относит слово к сложным¹, если части, на которые оно может быть разделено, сохраняют с ним семантическую связь [Oliveira 1536: Cvij]. Грамматист отмечает разную степень семантической близости мотивирующих слов и композитов.

As dições tiradas a q̃ os latinos chamão dirivadas são cujos naçimētos vem doutras algũas dições dõde estas são tiradas, como tinteiro, velhiçe, hõrada [Oliveira 1536: Dij]. As dições apartadas a que os latinos chamão simprezes ou singelas são aq̃llas cujas partes não podẽ ser dições inteiras, mas dividẽse somēte em syllabas e letras. [...] As dições juntas as vezes guardão a mesma sinificação q̃ tinhão as suas apartadas, e as vezes tomão outra quasi semelhãte, e outras vezes muito diferēte; guardão a mesma sinificação como torvar e estorvar; tomão outra quasi semelhãte como guardar e resguardar, chegar e achegar; são de todo diferētes como podar e apodar, pedir e empedir; e nam so diferentes, mas tâbem cõtrairas como fazer e desfazer, ãdar e desãdar [Oliveira 1536: Cvij v–Cvij].

Барруш не вполне четко разделяет вопрос о производящем слове и о первичной номинации.

Tem o nome outro açidente a que os Grammaticos chamam especia, aqual ε hũa divisam per que apartamos o nome dirivado do primitovo, ou primeiro gerado. Primitivo nome chamamos, aquelle que foy primeiro, sem haver hy outro donde nacesse ou se derivasse, assy como Cidade, Corte, Casa. Nome dirivado se chama Cidadã, Cortesam, Caseiro, os quaes se derivam dos tres açima² [Barros 1540: 7].

К простым словам Барруш относит слова, части которых «ничего не значат», в то время как «части сложного слова имеют значение сами по себе» [Barros 1540: 9, 20]. Рассматривая композицию, он указывает, к каким частям речи относятся производящие основы, сколько основ может участвовать в словосложении, приводит примеры сложения двух имен, глагола и имени, двух глаголов, глагола и наречия, имени и предлога: «redefóle de rede e fóle, arquivãco de árca e bãnco, [...] torçicólo de torçer de cólo, [...] mordefuge de morder e fugir, [...] puxavãte de puxár de avante, [...] tráspe de trás de pe» [Barros 1540: 9].

Робореду определяет композицию как образование слова из двух или более слов, простое слово – как слово, «части которого ничего не означают», сложное – как слово, «отдельные части которого значат». Под деривацией понимается суффиксальное словообразование (автор упоминает также и о понимании деривации как именного и глагольного словоизменения, подчеркивая, что это относится к грамматике). Грамматист указывает на возможность образования нескольких дериватов

¹ «as dições juntas a q̃ os latinos chamão s̃bpostas».

² «Акцидентом вид мы отделяем производное имя от первичного или первого созданного. Первичным именем мы называем такое, которое было создано первым и не было другого, от которого оно бы родилось или образовалось, например, город, двор, дом. Именами производными являются горожанин, придворный, домашний, произведенные от трех вышеназванных».

от одного слова, отмечает семантическую связь дериватов с производящим словом. Объясняя различия между деривацией и композицией, Робореду также подчеркивает сходство композиции и деривации, которое он видит и в том, и в другом случае в возможности вычленения корней, а зная корни, можно образовывать разными способами новые слова. Со словообразованием автор связывает богатство словаря. Как отмечалось выше, Робореду приводит процедуры, необходимые для выявления корня производящего слова. Подчеркнув семантическую связь деривата и производящего слова, Робореду пишет о различии их значений. Он также отражает некоторые морфологические изменения при деривации и композиции.

A composição das palavras, que os Grammaticos chamam figura, he uma união de duas, ou mais palavras, das quaes se compõe hũa. Antes da união se chama palavra simple, depois da união, Composta. Simple he aquella cujas partes divididas nenhũa cousa significão: como Eo, Pleo, Sero. Composta he aquella, cujas partes apartadas significão: como Transeo, Impleo, Dissero. Esta composição se faz, acrescentando ao principio da palavra ou hũa partícula, como em Transeo, &c. ou duas, como em Pertranseo [...]. Faz se tambem Composição de duas palavras incorruptas: como Contradico, ou de duas corruptas: como Causidicus: ou de hũa corrupta e outra inteira: como Magnanimus [Roboredo 1621: 7–8] A Derivação, q̃ os Grammaticos chamão Specie, he huã conveniente dedução de hũa, ou muitas vezes, que se dizem derivadas de hũa, q̃ se diz primitiva: assi como de hũa fonte se derivão muitos rios: como por exemplo, desta voz primitiva, Erro, se derivão Error, Erratum, Erraticus, Errabundus, Errones. [...] Deixando pois a derivação dos Casos, Pessoas e Tempos, de que se tratta na Grammatica, entre a palavra Derivada, & Composta ha esta differença, que a Composta tem o diverso principio e o mesmo fim; pelo côtrario a Derivada tem o mesmo principio e o diverso fim: como de Erro simple se faz, obverro composto; e do mesmo primitivo se faz Erratu derivado. [...] Achão-se corruptas no principio, e fim Auceps, Princeps, Miniceps, Particeps de Capio. & porq̃ a mesma doutrina serve para os contrarios, ensinada a Composição, & Derivação fica clara a Investigação do Simple, & Primitivo. & achando o Simple o poderás outra vez compor de muitos modos, & derivar do Primitivo hũa, & muitas palavras diversamente: & [...] poderás descobrir as letras radicais, que se não mudão, como por exêplo se te ocorrer esta voz Occurrebatis, tira esta syllaba, Oc, [...]: depois tira Ebatis, q̃ na Grammatica se ensina que se converte em O, e assi tês Curro, em que são letras immudaveis, Curras quaes verás nos dictionarios maiores. Donde alem da origem simple, & primitiva colherás [...] a propria significação das dependentes [...]. Per esta escada pois subindo, & descendo [...] adquirirás muito brevemente muito grande copia de palavras [Roboredo 1621: 8–9]. O Derivado contem a terminação, e significação algum tanto diversa do seu primitivo [Roboredo 1621: 22]. Os derivados acabados em Arius, assinalão o que pertence aa significação do primitivo, ou do officio daquela materia, da qual se deriva [Roboredo 1621: 24].

Эштеван не касается содержания понятий, связанных со словообразованием, однако его грамматика интересна тем, что в ней приводятся случаи конверсии, редупликации. Автор описывает бессуффиксальный способ образования наречий от прилагательных и существительных (адвербиализацию среднего рода имени). Приводя случай адъективации существительного, он отмечает разные модели словоизменения в зависимости от того, выступает ли слово в функции существительного или прилагательного. Грамматист упоминает об образовании отыменных существительных и прилагательных, отглагольных имен, неопределенных местоимений от «адъектива со значением *im*»¹, описывает редупликацию при образовании диминутивов. У Эштевана представлено также образование числительных, партитивов, отглагольных прилагательных, диминутивов, наречий [Estêvão 20–21, 38v–39, 81v, 82v].

¹ В соответствии с традицией, Эштеван относит числительные к адъективам.

De muytos dos nomes adjectivos, & substantivos desta lingoa se formaõ adverbios, os quaes de ordinario se formaõ da terminaçaõ neutra [*зд. производящая основа*] como de amantu, ti, ta se forma o adverbio amanta, de auachitu, i, a, couza de improvizo, se forma auachita de improvizo [...], & sic de cæteris [Estêvão 1640: 82]. Sakhi, & gouai quando se tomaõ pellas testemunhas saõ indclinaveis, mas quando se tomaõ pello testemunho vaõ entaõ gouai por chouai, ie [*один из типов первого склонения*], & fakhi por bori, bory [*третье склонение*]. [...] destes se formaõ hũs adjectivos, como de nhaĩ, nhaincho, y, e, ounhaitulo, y, ã, couza do Rio, ou de dentro do Rio. [...] Por sunnẽ vaõ [*склоняются по соответствующей модели*] todos os nomes originados de verbos [Estêvão 1640: 12–13v]. Do adjectivo yecu, i, a, nascẽ os adjectivos Kei yecu, i, a, q̃ quer dizer algũa couza, em algũ; nascẽ tambẽ yeyecu, yeyequi, yeyeca, cada hũ por sy, tambẽ nasce yecalõ, i, ã, que quer dizer couza so, ou por sy so, tambẽ nasce, anniyecu, i, a, que quer dizer outro, ou outrem [Estêvão 1640: 19]. Na nesta lingua deminutivos que se fazẽ de algũs adjectivos aos quaes redobrando as primeiras duas syllabas ficaõ diminutivos, ut dhakulo, y, ã, quer dizer couza piquena, & dhakhu dhakhulo, y, ã, quer dizer couza pequenina, tanulo, y, ã, quer dizer couza tenra de crianças, Tanutanulo, y, ã, quer dizer couza muito tenrinha, idulo, y, ã, couza pequenina, iduidulo, y, ã, quer dizer couza muyto pequenina, et sic de cæteris nos quais puder vir esta conjunçaõ [Estêvão 1640: 81v].

В рассматриваемую эпоху намечается различение приставки и предлога, что помогают проследить португальские памятники. Следуя античному канону, авторы XVI–XVII вв. относят префиксацию к словосложению. У Соузы до такой степени не разделены понятия приставки и предлога, что префиксация рассматривается в разделе, посвященном синтаксису (конструкциям). И все же Соуза отмечает, что есть «предлоги», которые никогда не употребляются вне сложного слова. Подобные наблюдения, очевидно, были отправной точкой для деления приставки и предлога в дальнейшем.

Figure [verbi] quot sunt? Due, Simplex, ut Lego. Composita ut Intelligo [Sou: xxv]. De compositione verborum cum prepositionibus. Prepositiones cum veniunt in compositione cum verbis [Sousa 1535: xliij]. Prepositione semper composite. Sunt que non inveniuntur extra compositionem. Di, Dis, Re [...]. Diduco, Dissipo, Refero [Sousa 1535: lxxxviii].

Оливейра и Барруш приводят приставки и омонимичные предлогам, и отличные от них (des-, re-, es-). Оливейра пишет о существовании слов, никогда не употребляемых самостоятельно и способных лишь входить в состав сложных слов.

Alghũas partes ou vozes temos na nossa lingua, a q̃es são partes por si, mas não sinificão cousa alghũa e por tãto não lhe chamaremos partes da oraçaõ ou da lingua como são o nome e verbo e outras; mas todavia fazẽ ajũtamẽto ou composiçaõ porq̃ de seu naçimento ellas são apartadas; mas tẽ por offiço servir sempre em ajũtamẽto e nũca as achamos fora delle, e são estas as partes .re. es. e des. As q̃es se ajuntão assi .revender. estorvar. desconçertar. E porẽ em que não sinifiquem apartadas por si, fazem sinificar as dições com q̃ se ajũtão mais ou menos ou ã contraio¹ [Oliveira 1536: Cvij v].

Этот фрагмент из грамматики Оливейры перекликается с представлениями автора модистской грамматики Томаса Эрфуртского², но, приближаясь к различению при-

¹ «В нашем языке есть такие части, или слова, которые являются частями сами по себе, но не означают никакой вещи, и потому мы не назовем их частями речи или языка, как имя, глагол и другие. Однако они образуют сложение, или композицию; по рождению они простые, но их функция – всегда служить для сложения, вне которого мы их никогда не находим. Это части -re, -es, -des, образующие сложение следующим образом: revender, estorvar, desconçertar. Не имея значения сами по себе, отдельно, они усиливают, уменьшают или меняют на противоположное значение слов, с которыми соединяются».

² Praepositio autem dupliciter componitur cum partibus: uno modo separaliliter, ita quod praeter compositionem potest dictionibus adiungi, et a dictionibus separari et sub proprio modo stare. Alio modo inseparaliliter; et sic non meretur dici Praepositio, nisi valde improprie, propter quamdam similitudinem, quam habet cum Praepositione in compositione complet, aut mutat, aut minuit, sic etiam istae, ut

ставки и предлога, Оливейра, в отличие от модистов, терминологически их не различает и не отказывается от применения к приставке термина «предлог». Отнесение к приставке терминов, употребляемых для обозначения слова (у Оливейры – *parte*, у Барруша – *dicção*) свидетельствует о не вполне сложившемся понимании приставки как словообразовательного аффикса, отличного от самостоятельного слова. Барруш относит префиксацию к композиции, наряду со сложением основ [Barros 1540: 9, 20].

Робореду в этом вопросе оказывается вполне традиционным: он также относит префиксацию к композиции, наряду с образованием сложных слов, содержащих две корневые морфемы [Roboredo 1621: 7–8]. Префикс и предлог у него не различаются: «*Preposição he palavra, que carece de Numeros, & rege Casos, a que se antepõe; e faz composição com outra palavra*» [Roboredo 1619: 68].

Лишь трактат Феррейры де Веры 1631 г. свидетельствует о намечающемся отказе от понимания префиксации как композиции. Этот автор на первый взгляд сохраняет вполне традиционное понимание префиксации как композиции: перечисляя предлоги, «полученные португальским от латыни», он включает в их число и приставки. Однако по поводу романского префикса этот автор пишет, что глаголы, образуемые с его помощью, нельзя считать сложными. Отчасти тенденция к различению приставки и предлога подтверждается и используемой терминологией: приставка характеризуется как «предлог, или частица», «композитивный предлог».

R [...] se pronuncia quase como dobrado [...] se a dicção, que começava em r, se compós com algũa das preposições, pre, ou pro: como prerogativa, prerogar [Vera 1631: 16v]. Fazem composição as preposições, ou particulas seguintes, que temos colhidas da lingua Latina [...]. As preposições são estas: A, Ab, Ad, An, Con, De, Des, Dis, En, Ex, In, Inter, Ob, Per, Pro, Pos, Re, Se, Sub, Trans, Sobre (Vera, 29v). aquella, A, he propriamente nosso, com que formamos os verbos, que o querem: como quando dizemos, de manso, amansar, de pedra, apedrejar; de noite anoitecer; de cabo, acabar, de proveito, aproveitar: de puro apurar, & outros infinitos. Os quaes são simplezes, & não compostos [Vera 1631: 29–29v]. Outras [letras] dobrão per composição [...]. O que se faz mudandose a derradeira letra da preposição compositiva em outra tal, como a primeira do verbo, ou nome composto: como irracional, corromper, agravar, appetite, &c. [Vera 1631: 29].

Португальские филологические памятники отражают проблематику словообразовательной модели и словообразовательного правила. Оливейра отмечает разную способность слов служить базой деривации, различную степень употребительности и близости дериватов к производящим основам. Он пишет о разнообразии способов образования близких по семантике слов, отмечает различную сочетаемость словообразовательных морфем с базами деривации, подчеркивает различия в значении слов, образованных от одной основы при помощи разных аффиксов. Грамматист выявляет различия в образовании суффиксальных имен мужского и женского рода, имен, обозначающих лицо и *не*-лицо, приводит разные модели образования отглагольных существительных. Касается он и проблемы словообразовательных гнезд.

hũas [vozes] não formão d’si nada, e outras se podẽ multiplicar; e alghũas pareçẽ a suas primitivas ou pmeiras dõde deçẽdẽ e outras não e outras muito e muitas menos. e alghũas formações tẽ melhor sã ou musica q̃ outras e são mais usadas [Oliveira 1536: Dv v]. d’Arabia arabigo, mas de Persia persio e de Asia asião e da India indio, e tâbẽ [...] de pedras dizemos pedregoso, mas d’area

---

distraho, reprobó, regredior, et huius modi. Et ultimo est notandum, quod Praepositiones in compositione non sunt verae Praepositiones, quia per se nihil significant cum non sint per se dictiones, nec etiam per se modum significandi habent; sed adduntur aliis dictionibus [Scotus 1902. 138–139]. Грамматика Томаса Эрфуртского, долгое время приписывалась Дунсу Скоту и издавалась под его именем. Именно такое издание оказалось доступно автору этой статьи. – *М.К.*

areËto [Oliveira 1536: Dv v]. os nomes verbaes assi tãbê são diferentes, porq̃ de ler dizemos lição e de orar oração, mas de amar e honrrar dizem amor e hõrra [...] e não somête os tirados de diversas partes são diferêtes mas tãbê vindos dhũa mesma parte como de capitão dizem molher capitão e não capitãina, e de pescado ou pescar dizemos homê pescador e molher pescadeira, barca pescaresca [Oliveira 1536: Dv v–Dvj]. tẽ principio as dições em os generos como livro dõde se tirão livreiro e livreria, e como porta donde porteiro e portaria [Oliveira 1536: Dv v].

Барруш дает оценку продуктивности некоторых типов и моделей словообразования. Он отмечает немногочисленность имен, образованных от наречий; подчеркивает, что для португальского языка характерна субстантивация инфинитива.

Podemos tambem dizer serem nomes verbães todolos infinitivos do presente tempo, poendolhe seu artigo com que fica nome. E per este mudo, soprimos muitos nomes, que desfalecem ã nõssa linguãgem e a latina tem [Barros 1540: 8].

Не останавливаясь специально на вопросе о продуктивности словообразовательных моделей глаголов со значением становления признака («увеличительных глаголов»), Барруш свидетельствует об их продуктивности, приводя значительное число таких образований: «de branquejár embranqueçer, de negrejár enegreçer, de verdejár enverdeçer, de doer adoeçer, e de trener estremeçer» и т. д. [Barros 1540: 19].

Нунеш де Леан представляет списки лексем, принадлежащих одному словообразовательному гнезду, в трактатах «Орфография» и «Происхождение португальского языка», в целях доказательства богатства родного языка, – он может «образовать от одного слова много слов, которые означают [*передают значение*] более подходящим образом; Автор приводит обширные словообразовательные гнезда (до 19 однокоренных слов).

de ferro, ferreiro, ferraria, ferrar, ferrador, ferradura, ferramêta, ferragem, ferrencho, ferrolho, ferrão, ferrugem, afferrolhar, ferropea [Leão 1576: 39]. a lingoa Portuguesa [...] he mais larga & copiosa [que a latina], formando de hum vocabulo muitos [...]. De terra. Terreiro, terrestre, terreno, enterrar, desenterrar, soterrar, terrado, terreo, terreal, terremoto, soterraneo, desterrar, desterrado, conterraneo, terrantes, terrão, enterreirar, terradego, territorio [Leão 1606: 122–123].

В словаре Робореду, как уже отмечалось выше, несомненно, присутствует понятие словообразовательного гнезда, сказавшееся в принципах организации словарной статьи.

Миссионерские грамматики также отражают внимание к словообразовательным моделям, правилам, гнездам. Фигейра, описывая образование отглагольных имен в языке тупи, приводит исходный глагол, словообразовательные форманты и значения дериватов. В специальном разделе этого описания грамматист подробно, в форме правил представляет явления фоносинтаксиса при словообразовании отглагольных имен в зависимости от исходов глагольных основ.

Estes verbaes saõ commũmente em tres maneiras; huns acabados em Ara, ou Ana: outros acabados em Aba. Os terceiros em ura. Assi como do verbo Ajucã. Iucaçãra, o matador. Iucaçãba, o instrumento, ou lugar, ou tempo, ou modo de matar. Ijucapyra, a cousa morta [Figueira 1621: 37]. A formaçaõ destes verbaes ensinarã melhor o uso, mas com algũas regras se darã noticia della. Formaõse todos da terceira pessoa do presente do Indicativo. Primeira regra. Todos os verbos acabados nas letras seguintes, A, e, i, o, u, ã, ê, ĩ, õ, ù, ão diphtongo, formaõ seus verbaes, acrescentando ã 3. pessoa do presente as dições Çara, çaba: ut Iucã, Iucaçãra, Iucaçãba. Exceiçaõ. Tiraõse algũs acabados nas letras E, i, o, u, ut Aimoing-é, moing-eara, moing-eãba. [...] Segunda regra. Todos os verbos acabados na letra N, & nos diphtongos com til, ãi, ĩj, õi, ùi, formaõ os verbaes em Dara, Daba [Figueira 1621: 63v–64].

Эштеван подчеркивает семантическую связь деривата и производящего слова, эксплицирует стремление представить модели словообразования, затрагивает вопрос об их продуктивности, отмечает, что словообразовательная модель охватывает не все слова. Он приводит модель образования относительных прилагательных от существительных: существительное в аблативе + словообразовательный аффикс.

Na hũ modo de adjectivos de que uzaõ nos numeros quebrados. Por hũ & mejo, dizẽ deddu, i, a, [...], por dous & mejo dizem addaicha, y, ã [...] & assy vay correndo pera tudo quanto deste theor na oraçaõ se offereçe [...] Destes nomes de numerar do segundo pera cima se formaõ hũs adjectivos, que formaõ a lingoagẽ de segundo & de terceiro, &c., ut de doni sã forma, dussaro, y, ã, de tini, tissaro, y, ã [...], & de cinco pera diante acabaõ todos os adjectivos em, auo, ut panchauo, y, ã, fauo, y, ã com declaraçaõ que do segundo pera cima se poẽ antes os tais adjectivos a particula, yeca, ut Yecuissaua Varusta, no anno Vizessimo primo [...], & assy mesmo vaõ correndo de dez, em dez ate Cento, mil, & os mais numeros que quizerẽ, & dobrando a primeira syllaba de cada qual dos tais adjectivos fica formando a lingoagẽ de cada dez, [...] vinte, &c. ut dhadhauea Varussa, em cada dez annos, & assy dos mais [Estêvão 1640: 20–21]. et sic de cæteris, em q̃ as tais particulas podẽ governar que o uzo insinara por que nẽ em todos os nomes podẽ ellas vir [Estêvão 1640: 80v]. de muitos destes ablativos se formaõ, & nascẽ nomes adjectivos, q̃ tẽ a mesma significaçaõ q̃ elles, ut de gharĩ vẽ gharincho, y, ã, couza de caza [Estêvão 1640: 17–17v].

КЛАССИФИКАЦИЯ ЛЕКСИКИ В РАННИХ ОПИСАНИЯХ ПОРТУГАЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Португальские грамматики могут служить иллюстрацией того, что в ренессансной лингвистике идет процесс отделения собственно грамматических аспектов слова от лексико-семантических, о чем свидетельствует классификация частей речи. При описании морфологии имени португальские грамматисты практически не вычленяют лексико-семантические классы. Оливейра вообще о них не упоминает¹, Соуза выделяет лишь патронимы, Барруш пишет только об обозначениях по названиям провинций (*gentílicos*). При описании глагола Соуза выделяет лексико-семантические классы (инхоативы, медитативы, дезидеративы, фреквентативы, диминутивы), однако специально останавливается на них в связи с особенностями функционирования – при рассмотрении управления глаголов: отмечает употребление генитива в конструкциях с *verba estimandi*, *verba accusandi*; датива с *verba acquisitiva*, *imperandi* et *nunciandi*, *obsequij* & *repugnantie* и т. д. [Sousa 1535: lxxij–lxxiiij v]. Сходная картина в португальской грамматике Барруша, в латинской грамматике Алвареша 1572 г. [Alvares 1572]. В миссионерских грамматиках тупи Аншьеты и Фигейры лексико-семантические разряды имен упоминаются в тех случаях, когда они имеют какие-то особенности в образовании форм или употреблении в конструкциях.

Em nomes de hervas, frutas, animaes, materiaes, começados por t, não se muda o t em r [...]. Em nomes de animaes não se soe pôr antes o adjectivo, ou genitivo, ut tapiíra, vacca, não se diz xetapiíra, minha vacca, senão xereimbábatapiíra [...]. Os começados por t, que significão partes do corpo ou cousa tocante a homem, quando são absolutos, se entendem cõmmummente de homens, ut tetê, absolute quer dizer corpo humano [...]. O mesmo é nos de parentesco, ut tamuya, absolute, avo de homens [Anchieta 1595: 14v–15]. Ajuntaõse a estes todos os nomes de animaes, de frutas: de ervas, de materias: os quaes todos quando se começam por T, ou não, mudão, & tomaõ i, por relativo. ut Tapijra, a Anta: Tagoã, o barro vermelho: Taiaóba, a cove [Figueira 1621: 41v].

¹ Оливейра обращается к семантическим классам имен лишь в разделе о словообразовании, когда демонстрирует различия в словообразовательных моделях обозначений специальностей и мастерских.

Португальские филологические памятники свидетельствуют о появлении новых подходов к классификации лексики периода кодификации национального языка. Особенно ярко это проявилось уже в первом опыте кодификации португальского языка – в грамматике Оливейры. В соответствии с целями своего сочинения – фиксацией нормы, отбором нормативных вариантов на разных уровнях языковой системы – автор широко представляет проблематику слова в грамматическом описании, не ограничиваясь представлением словоизменения (в основном именного) и далеко выходит за рамки собственно грамматики: он уделяет внимание фонетическому аспекту слова, словообразованию, лексике. Словарный состав Оливейра характеризует с позиций исторических изменений, употребительности, лексической семантики, мотивированности, частотности слова. Грамматист предлагает классификацию лексики и дает определения и примеры слов «наших», «чужих», «общих», «устаревших», «новых», «употребительных», «в прямом и переносном значениях», «первичных и производных». Оливейра называет важнейшие источники португальской лексики, пишет, что основу словаря составляет исконная лексика («наши слова» латинского происхождения, а также давние заимствования, укорененные в португальском языке, полностью освоённые языковой системой, которые уже не воспринимаются как таковые.

nossas dições são aquellas que naçerão âtre nos ou são ja tam antigas que não sabemos se vierão de fora [...]. E não so latinos mas gregos, arabigos, castelhanos, françeses e toda qnta outra imundiçia poderem ajuntar [...] os qes como nossos os avemos de tratar e pronunçiar e cõformar ao som da nossa melodia e ao sentido de nossas orelhas [Oliveira 1536: Ciiijr–Cvjr]¹.

Лексические заимствования («чужие слова») автор XVI в. связывает с заимствованием «новых обычаев» и «новых вещей», предвосхищая концепцию Г. Шухардта.

As dições alheas são aqllas q doutras linguas trazem' a nossa por algũa neçessidad' d' costume trato arte, ou cousa algũa novamente trazida a terra: o costume novo traz a terra novos vocabulos [Oliveira 1536: Cvjr]².

Оливейра выделяет интернационализмы («общие слова»), отмечает их сходное «употребление» во многих языках.

Dições comũs chamamos aqllas que em muitas linguas servem igualmente e o tempo em que se mudarão dhũa lingua para outra fica tão lãge de nos que não podemos façilmente saber de qual para qual lingua se mudarão [Oliveira 1536: Cvjr]³.

Отношение первого португальского грамматиста к архаизмам («устаревшим словам») определяется пониманием нормы, ее территориальной основы [Косарик 2013]: архаизмы «уместны в устах старика из Бейры⁴ или деревенского жителя». Хотя Оливейра видит возможность использования архаизмов в стилистических целях («они могут придать изящество речи»), он подчеркивает, что «ими нельзя злоупотреблять и что следует выбирать из них наиболее близкие к нашему времени».

¹ «Наши слова это те, что родились у нас, и они столь древние, что мы не знаем, пришли ли они извне [...]. Это не только латинские, но и греческие, арабские, кастильские, французские и еще много других мы могли бы назвать, но все они наши, так мы с ними и должны обращаться и произносить их в соответствии с мелодией нашего языка и его звучанием».

² «Чужие слова это те, которые приносят в наш язык из других [языков] по необходимости, в связи с тем, что к нам [на нашу землю, в нашу страну] приносят новые обычаи или новые вещи; новый обычай приносит новые слова».

³ «Общими словами мы называем те, которые во многих языках используются одинаково; они так давно переходили из одного языка в другой, что мы не можем точно знать, из какого языка и в какой они пришли».

⁴ Историческая провинция на севере Португалии с архаизирующим диалектом.

As dições velhas são as que forão usadas , mas agora são esqçidas [...] as orelhas nã consintem a musica e vozes fora de seu tempo e costume [...]. O uso destas dições antigas diz Quintiliano traz e da muita graça ao falar qndo he temperado e em seus lugares e tempos: a limitação ou regra sera esta pella maior parte que das dições velhas tomemos as mais novas e q̃ são mais vezinhas de nosso tempo [...] muitas vezes algũas q̃ ha pouco são passadas são ja agora muito avorrecidas [...] se [...] as meteremos em ão dhũ homẽvelho da beyra ou aldeão não lhe parecerão mal, mas tambẽ não sejam muitas [...] se essas dições antigas [...] forem sobejas faram muito grande disonãcia nas orelhas de nossos tẽpos e homẽs [Oliveira 1536: Cvijj v–Dj v].

В связи с неологизмами и общеупотребительной лексикой («новыми» и «употребительными» словами) Оливейра касается проблемы именования («нельзя для каждой новой вещи создавать полностью новое слово, мы создаем частично новые слова, опираясь на что-то»); к способам создания новых слов он относит звукоподражания [Oliveira 1536: Dj v–Dij v]. Однако ключевыми для Оливейры являются вопросы нормы. Он возражает против использования неологизмов, «не вошедших в узус, без сопровождения их выражениями ‘как говорится’, ‘так сказать’ и т. п.». Употребительные слова характеризует как «те, что слышны на каждом шагу», их «все говорят и понимают, они свойственны нашему времени и нашей земле. Кто их не употребляет, тот оказывается вне тона и музыки языка наших современников». Рост частотности слова Оливейра связывает с переходом из разряда неологизмов в число общеупотребительных слов, характерных для узуса [Oliveira 1536: D]; снижение же частотности, напротив, объясняется устареванием слова [Oliveira 1536: Di v].

As dições novas são aquellas q̃ novamente ou de todo fingimos ou em parte achamos [...]: de todo chamo quãdo não olhamos a nenhũ respeito se não ao que nos ensina a natureza *para* o que tiveram liçença os premeiros homẽs quando nomearão. [...] nos jagora *para* fazer vocabolos de todo [...] não temos mui franca liçença [...]. Achar dições novas em parte he quãdo para fazer a voz nova [...] nos fundamos em algũa cousa [...] logo desque bem forem fingidos ou achadis os vicabulos o uso deles se fara com muitos resguardos [...], o premeyro q̃ desses vocabulos novos tomemos os mais velhos [...]. E outro resguardo seja que com serem mais velhos sejam sejam tambem mais usados e ameudados, e o uso delles seja aprovado por aquelles q̃ mais sabem; estoutro resguardo no uso das vozes novas q̃ sempre as salvaremos cõ alghũ sinal d’estes [...] como dizẽ, porq̃ assi diga [Oliveira 1536: Dj v–Dij v]. As dições usadas são estas q̃ nos servem a cada porta (como dizẽ) estas digo q̃ todos falão e entende as quaes são proprias do nosso tẽpo e terra: e quẽ não usa dellas e desentoadado fora do tom e musica dos nossos homẽs dagora [Oliveira 1536: Dij v].

Слова в прямом значении Оливейра считает «главной составляющей хорошей и ясной речи»; слова в переносном значении «используются по необходимости: они уточняют значение или употребляются вместо другого слова, которое не соответствует нашим намерениям, или когда для выражения нужного значения нет слова с таким основным, прямым значением».

Dições proprias chamamos aq̃llas q̃ servẽ na sua primeira e prinçipal sinificação [...] tẽ a prinçipal *parte* de bõa e clara linguagẽ [...]. As dições mudadas a q̃ os latinos chamão trasladadas são as q̃ por neçessidade ou melhoria d’sinificação ou voz estão fora de seu proprio sinificado e ou estão ã lugar doutra dição q̃ não era tã bõa *para* nossos intẽto, ou estão õde não avia dição propria [Oliveira 1536: Diiij].

Образование производных автор объясняет необходимостью отразить сходство вещей.

As dições q̃ chamamos primeiras chamão os latinos primitivos, estas são cujo naçimẽto não proçede doutra parte mais q̃ da võtade livre daq̃lle que as primeiro pos [...]. As dições tiradas a q̃ os latinos chamão dirivadas são cujos naçimẽtos vem doutras algũas dições dõde estas são tiradas, como tinteiro, velhiçe, hõrada [Oliveira 1536: Diiij v]. As dições apartadas a que

os latinos chamão simprezes ou singelas são aq̃llas cujas partes não podẽ ser dições inteiras, mas dividẽse somẽte em syllabas e letras [Oliveira 1536: Cvij v]. As dições juntas as vezes guardão a mesma sinificação q̃ tinhão as suas apartadas, e as vezes tomão outra quasi semelhãte, e outras vezes muito diferẽte; guardão a mesma sinificação como torvar e estorvar; tomão outra quasi semelhãte como guardar e resguardar, chegar e achegar; são de todo diferẽtes como podar e apodar, pedir e empedir; e nam so diferentes, mas tãbem cõtrairas como fazer e desfazer, ãdar e desãdar [Oliveira 1536: Cvijj].

Нетрудно заметить, что в представлении различных классов слов в грамматике Оливейры превалирует внимание к проблематике нормы, и это отнюдь не случайно: цели этого сочинения состоят в апологии родного языка и в фиксации его нормы. Подчеркнем, что мы находим у ренессансного автора концепцию нормы, весьма близкую к ее пониманию в современной лингвистике (анализ проблематики нормы в сочинениях Оливейры и других португальских авторов XVI–XVII вв. содержится в [Косарик 1995, Косарик 2005, Косарик 2013с; Kossárik 2003]). Один из основных аспектов кодификации нормы, в том числе и лексической, – отбор «правильных» вариантов, воспринимаемых как образцовые. Оливейра отражает вариативность, сохраняющуюся в португальском языке исследуемого периода, и во многих случаях оценивает варианты, производит отбор предпочтительных употреблений. Его грамматика – яркое свидетельство не только вариативности в языке XVI в., но и разной степени императивности нормы на разных уровнях языковой системы. В то время как правила, относящиеся к фонетике, графике и орфографии, чаще всего имеют вид строгой фиксации явления, не предусматривающей возможности варьирования, а при описании словообразования и морфологии формулировки правил несколько менее категоричны, в главах, посвященных лексике, рекомендации Оливейры носят самый общий характер [Oliveira 1536: Dj–Dijj v]¹. Приводя примеры слов устаревших, а потому осуждаемых, грамматист в принципе, при определенных условиях все же допускает употребление архаизмов [Oliveira 1536: D]. Отметим, что отбор нормативной лексики в первом опыте кодификации португальского языка, осуществляется не во всех группах лексики, а в основном среди архаизмов. Очевидно, на раннем этапе кодификации отделение лексики устаревшей, вышедшей из употребления, от лексики, составляющей основу узуса, имело особую важность. Но внимание к вариативности касается и других аспектов слова.

Примечательно отношение Оливейры к вариантности в словообразовании. Он признает существование разных способов выражения словообразовательных значений, а потому не считает нужным ограничивать многообразие словообразовательных моделей. В то же время автор возражает против варьирования на уровне отдельной лексемы и стремится снять вариативность указанием на принадлежность слова или формы лишь к одной модели. Так, признавая существование нескольких словообразовательных моделей для выражения значений «человек определенной профессии», «мастерская» и др. Оливейра не приемлет вариативности конкретных лексем.

d’Grecia q̃ fez grego mas de Gocia, nome não mui diferẽte destoutro Grecia, fizemos godo e não gogo como grego, e d’ Arabia arabigo, mas de Persia persio e de Asia asião e da India indio, e tãbẽ dizemos sarnoso e não sarnẽto, mas ao contrairo chamamos ao cheo d’sarapulhas sarapulhẽto e não sarapulhoso e de pedras dizemos pedregoso, mas d’ area areẽto, e de po nẽ poento

¹ Ср. [Семенюк 1996: 24]: «При нормализации отдельных уровней и явлений языка соотношение стихийных и сознательных процессов может быть весьма различным. Так, для орфографии роль последних, видимо, более существенна, чем для лексики и синтаксиса с их открытыми и весьма осложненными системами».

nã pooso, mas ã outra figura e sinificaçaõ ãpoado [Oliveira 1537: Dv v]. alghũas espeças de dições tiradas, como são os nomes dalghũs offiçios mecanicos [...] pella maior parte acabão nesta terminaçaõ .eiro. como pedreiro, carpinteiro, çapateiro e [...] das offiçinas ou lugares desses offiçios cujos nomes acabarão em .ria. [...] como ourivezaria, çapataria, carpintaria [Oliveira 1537: Dvj v].

Автор первой португальской грамматики отмечает социальное и территориальное варьирование лексики.

os cavaleiros ã tẽ hũs vocabulos: e os lavradores outros: e os cortesãos outros: e os religiosos outros: e os mecanicos outros, e os mercadores outros: ou tãbẽ se faz ã terras esta particularidade porã os da beira tem hũas falas e os Dalentejo outras: e os homens da estremadura são diferentes dos dantre douro e minho: porã assi como os tẽpos assi tãbẽ as terras crião diversas cõdições: e cõçeitos: e o velho como tẽ o entender mais firme cõ o ã mais sabe tãbẽ suas falas são de peso e as do mançobo mays leves [Oliveira 1537: Dij v]¹. se estas e quaesquer outras semelhantes as meteremos em mão dhũ homẽ velho da beyra ou aldeão não lhe parecerão mal [Oliveira 1537: Dj v]².

ЗАРОЖДЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ЯЗЫКУ, К ОПИСАНИЮ ЛЕКСИКИ

Указания Оливейры на появление неологизмов и архаизмов, признание консервативности архаизирующих диалектов севера и обращение к диалектам в поисках архаичных форм для иллюстрации процессов, приводящих к появлению вариантов, – одно из проявлений понимания подвижности, историчности языка, формирующегося в рассматриваемую эпоху. Толчком к этому послужила апология родного языка (и уяснение с этой целью соотношения латыни и национального языка), в свою очередь поставившая задачу его обработки и грамматического описания. Именно с этих позиций – с целью отбора нормативных вариантов – касается проблемы исторических изменений в лексике автор первой португальской грамматики. Архаизмы он различает по степени устаревания (слова, которые уже непонятны; слова, сохраняющиеся в диалектах и сельском просторечии; слова, которые устарели, но могут употребляться в нормативной речи). Причины устаревания лексики видятся в исчезновении вещей или в появлении новых, обозначаемых этими словами. Кроме того, как говорилось выше, распространение новых слов в языке автор связывает с заимствованиями, появляющимися вместе с заимствуемыми вещами. Оливейра касается и семантических изменений в слове, рассматривает появление переносного значения слова как этап его истории. Этот автор эксплицирует отказ от этимологизирования в «Платоновском» духе при обсуждении проблемы именования, называя глупостями, «деревенскими выдумками», объяснения, что «человек (homem) называется так потому, что он в центре (meio) всего», или «старик (velho) – потому что много видел (viu)», «и сотни других подобных преувеличений», которые «не принимаются людьми образованными и начитанными».

¹ «у рыцарей одни слова, а у земледельцев другие, точно так же разные слова у придворных и священников, механиков и торговцев; различается и речь людей из разных земель: по-разному говорят жители Бейры и Алентежу, Эштремадуры и Энтре-Доуру-и-Минью, потому что условия различны как в разные времена, так и в разных землях; различно также понимание; и речь старика, у которого тверже понимание и больше знаний, тяжелее, чем более легкая речь юноши».

² «если эти или какие-нибудь другие сходные [слова] мы скажем старику из Бейры или крестьянину, они не покажутся ему плохими».

ora poys se como adevinhando dixeramos que homẽ se chama porq̃ e o meyo de todas as cousas ou porq̃ esta no meio do mal e do bem, e se dixeremos q̃ molher se chama porq̃ e molhe e velho porque vio muito [...] e tẽpo porque tẽpera as cousas [...]. E passaro porque passa voando [...] e assi comestas podemos tambem cuydar outras dozentas patranhas, as quaes semp̃ são sobejas e muytas vezes falsas e pouco reęebidas antre homẽs sabedores q̃ do pouco q̃ com muyto lendo e trabalhando aquerirão se prezão e não de imaginações aldeãs sem juyzo [Oliveira 1536: Ciiij v Cv].

Исторические изменения в лексике (как и в фонетике, морфологии) отмечают и другие авторы XVI в. Барруш, хотя и не представляет столь разработанной картины, связанной с лексикой, как у Оливейры, пишет в «Диалоге в защиту родного языка» о лексических архаизмах и неологизмах: «algũas palávras que achamos per escrituras antigas, as quães o tempo leixou esquecer» [Barros 1540: 56]. Магальяенш де Гандаву языковые изменения в лексике связывает с необходимостью появления новых номинаций.

Mas como a gẽte pelo tẽpo adiãte fosse ẽ crecimẽto, & os homẽs tevesse necessidade de exercitarẽ esta lingua ẽ varios negocios, cada vez a forão mais appurando descobrindo nella outros vocabulos que ainda que não saõ latinos como estes antiguos que atras deixamos, todavia soam melhor aos ouvidos da gente polida, & saõ mais proprios & accomodados pera significarem aquillo que queremos, que outros, que haja em nenhũa lingua [Gândavo 1574: C8–C8v].

В XVI–XVII вв. представление о языковых изменениях утверждается настолько, что начинают осознаваться как универсальное свойство всех языков, включая латынь [Kossarik 2015: 189–192]. Это сказывается и на отражении вопросов лексики в анализируемых португальских сочинениях. Так, Северин де Фария, заявляет в одной из своих «Речей» (небольшом лингвистическом трактате 1624 г.), что происхождение и древность языка не могут служить основанием для утверждения его превосходства над другими, и представляет образование романских языков скорее как результат изменений латыни, а не ее «порчи». Признавая историчность лексики, он останавливается на формальных и семантических изменениях. У этого автора мы находим четкое представление о том, что можно считать латинизмом: к ним не относятся дериваты, образованные от латинских основ, но отсутствующие в латыни – такие образования автор относит к явлениям португальского языка; можно предположить, что Северин де Фария не относит также к латинизмам слова, семантика которых в португальском отличается от семантики их латинских этимонов.

segundo a milhor, & mais verdadeira opinião, nẽ por primeira antiguidade, nem por incorrupção do idioma, pôde nenhũa lingoa ser tida por milhor que a outra. Supposto isto, devemos buscar outras razões, que não sejam de origem, pera julgarmos em que está a milhoria de hũa lingua â outra [Faria 1624: 64–64v]. Desta lingua Latina nos não ficou ja agora mais que a parte da Escritura; & o uso se corrompeo em Italia, França, & Hespanha nas lingoas vulgares, que ao presente se fallão nestas Provincias [Faria 1624: 70v]. Dos verbos seja exẽplo esta accão, de reduzir hũ livro a menor leitura, q̃ dizemos por sete verbos, q̃ saõ: *Abreviar, Recopilar, Resumir, Epilogar, Epitomar, Cõpẽdiar, & Encurtar*. E os Latinos tẽ sã: *Abbreviare, & o mais dizẽ por frases*. E nẽ por estes nossos verbos serẽ dirivados de nomes Latinos, se pôde chamar tambẽ Latinos, pois os Latinos não averbãrão estes nomes, & os Portugueses sim. Dos nomes seja demonstração o nome *Adagio*, q̃ he o mesmo q̃, *Proverbio, Rifaõ, Exẽplo, Sõtẽça, Ditado, & Anexim*. Dos quaes vocabulos os Latinos não tẽ neste sêtido mais de dous, ou tres [Faria 1624: 73v–74].

Развитие идеи языковых изменений мы находим у Д. Нунеша де Леан в двух трактатах [Leão 1576] и [Leão 1606], которые отражают важный этап становления

исторического подхода к языку и зарождения научной этимологии. Уже в первом трактате «Орфография», лежавшем в обычном для Ренессанса русле трудов, посвященных кодификации национальных языков, автор обосновывает предлагаемые им орфографические варианты, обращаясь к истории языка – к фонетическим изменениям от латыни к народным языкам.

Примечательно, что в этом трактате содержатся элементы, приближающие его к орфографическому словарю: автор приводит в алфавитном порядке списки слов, представляющие рекомендуемые орфограммы. Правда, списки эти пока еще невелики, организованы в соответствии с определенными трудностями и содержат противопоставленные по правильности / неправильности написания; к тому же приходится признать, что не всегда кодификация Нунеша де Леан оказывается успешной, не все его рекомендации закрепились в норме, но важным представляется сам факт представления списков правильных написаний слов, подготовивших принципы создания орфографического словаря.

Reformação de algũas palavras que a gente vulgar usa & screve mal

<i>Erradas</i>	<i>Emendadas</i>	
Acipreste dignidade	Arcipreste	
Acipreste arvore	Cipreste	
Acolá	Aqualá	
Acupar	Occupar	[...]
Baixo	Baxo	
Barrer	Varrer	[...]
Veador	Veedor	

[Leão 1576: 69v–71v]

Vocabulos que servimose com diferentes letras, teem diferente significação

Aço ferro fino	Asso a carne	[...]
Acude verbo	Açude, de moinho	[...]
Vaso de prata, ou barro	Vazo entorno, ou derramo	[Leão 1576: 72 –73]

Второй трактат Нунеша де Леан, «Происхождение португальского языка», уже полностью посвящен истории португальского языка и исследованию источников португальской лексики. Автор продолжает линию, содержащуюся в грамматике Оливейры, который связывал историю языка с его синхронным состоянием: Нунеша де Леан приводит те же причины появления неологизмов и архаизмов; выделяет сходные этапы устаревания слов; останавливается на семантике заимствований, в которых видит основной способ пополнения лексики. При этом более поздний автор дополняет предшественника, поскольку ко времени создания трактатов уже накоплен материал, позволяющий утверждать, что языки новооткрытых земель – Индии, Африки – также служат источниками заимствований, наряду с латынью, которая, конечно, продолжает рассматриваться как главный источник обогащения народного языка. Однако если в грамматике Оливейры превалируют вопросы нормы (хотя уже Оливейра в главе о «наших словах» замечает, что «грамматика требует знать о них, откуда [из чего], когда, почему и как они были созданы»¹), то в трактатах Нунеша де Леан проблематика нормы отодвигается на второй план, основной предмет трактата 1606 г. – именно история родного языка, происхождение

¹ «nestas a grãmatica manda saber donde, quando porq̃ e como forão feytas» [Oliveira 1536: Ciiij].

португальской лексики. Это сочинение – одно из самых ранних описаний истории романского языка¹, а также опыт создания этимологического словаря.

Успешность этого опыта во многом определяется вниманием автора к фонетическим изменениям. Нунеш де Леан приводит значительное число регулярных соответствий между латынью и португальским, латынью и романскими языками. Он отмечает основные процессы, имевшие место в вокализме и консонантизме при формировании португальского языка из латыни: изменение тембра [Leão 1576: 6, 14 v] и назализацию [Leão 1576: 24] гласных, метафонию [Leão 1576: 17], озвончение или выпадение согласных [Leão 1606: 3–4], палатализацию g, l и n [Leão 1576: 7, 10–12] и т. д. Предвосхищая идею фонетических законов, португальский автор конца XVI в. пишет, что «есть определенные звуки, которые почти всегда соответствуют другим, латинскому дифтонгу au соответствует португальский ou», «звуки меняются на другие, похожие: l на r, p на b, t на d», «f переходит в v, т. к. они родственны друг другу». Впервые Нунеш де Леан описывает эти регулярные изменения в «Орфографии».

As letras entre si teem hũas com as outras muita semelhança, & e afinidade, & portãto facilmente se corrõpem & mudão hũas em outras, não soamente de hũa lingoa a outra, mas em hũa mesma lingoa. Polo que, teendo noticia desta semelhança, & mudança, que fazem de hũas em outras, facilmente viremos dar cõ a origem dos vocabulos corruptos. [...] A. primeiramente se muda em .e. como de alacris, alegre. de factus, feito. de amavi, amei. & aas vezes ã .ou. como de aurum, ouro. de laurus, louro. de taurus, touro [...]. B. mudase em .v. como de debeo, devo. de caballus, cavalo [...]. C. mudase em .g. como de cæcus, cego. locusta, lagosta. [...] E o gn corrompese em .nh. como de lignum, lenho. [...] I. mudase em .e. como de cibus, cevo. [...] de bibo, bebo. [...] L. corrompese em .r. como de blandus, brando. de clavus. cravo. [...] E quãdo vem despois de .c. f. p. corrompese em .ch. como de clavis, chave. de flamma, chama. de plaga, chaga. [...] T. corrompese em .d. como de amatus, amado. de auditus. ouvido, de fatum, fado [Leão 1576: 25–26]².

Регулярные фонетические соответствия между латынью и португальским Нунеш де Леан рассматривает и в более позднем трактате, посвященном происхождению португальского языка.

A corrupçaõ per troca de hũas letras por outras he mui comũ, & ã cõprendẽ as mais das palavras, porq̃ de ecclesia dizemos igreja, de desideriu desejo, de cupiditas cobiça. Na qual maneira de corrupçaõ hã hũas certas letras que quasi sãpre respondẽ a outras, como o diphtõgo au, dos latinos a, ã os Portugueses respõde com o seu ou, como por audio, ouço, por aurum ouro, por

¹ Не стоит останавливаться здесь на дискуссии о первенстве Нунеша де Леан или Альдрете, автора трактата о происхождении испанского языка [Aldrete 1606]: для истории лингвистической мысли важен не приоритет «авторских прав», а тот факт, что в рассматриваемую эпоху формируется исторический взгляд на язык, который проявляется в произведениях обоих пиренейских филологов.

² «Звуки между собой имеют много сходного и потому легко меняются [портятся – понятие языковой «порчи» в рассматриваемую эпоху начинает переосмысливаться, «порча» начинает пониматься как «изменение», именно в этом значении начинает употребляться «corromper-se». – М.К.] и превращаются из одних в другие не только при переходе от одного языка к другому, но и в одном и том же языке. Потому, зная об этом сходстве и изменении, мы легко поймем происхождение изменившихся [испорченных] слов. [...] А изменяется в e, так из alacris [образуется] alegre, из factus – feito, из amavi – amei, а кроме того, иногда оно изменяется в ou, например, из aurum – ouro, из laurus – louro, из taurus – touro [...]. В изменяется в v, например, из debeo – devo, из caballus – cavalo [...]. С изменяется в g, например, из cæcus – cego, из locusta – lagosta. [...] gn переходит [портится] в nh, как из lignum – lenho. [...] I. меняется в e, как из cibus – cevo, [...] из bibo – bebo. [...] L. переходит в r, как из blandus – brando, из clavus – cravo. [...] Когда же оно идет после c, f, p, то переходит в ch, так, из clavis – chave, из flamma – chama, из plaga – chaga [...]. T. переходит в d, как из amatus – amado, из auditus – ouvido, из fatum – fado [Leão 1576: 25–26].

taurus touro, por laurus, louro, por maurus, mouro, & por paucus pouco [...]. Da mesma maneira se mudão as letras em outras semelhantes como he o l. em r. & o p. em b. o t. em d. Porç por obligar dizemos obrigar, por blandus brando, [...] por amatus, amado [Leão 1606: 35–36].

Автор останавливается на некоторых соответствиях разновидностей романской речи на Пиренейском полуострове: португальского, его северных диалектов, галисийского, кастильского: «Вместо vós – bós, vosso – bossos, vida – bida, и наоборот, там, где у нас b, у них v»; «в португальском тил в конце тех слов, где в кастильском n: hermano, lana – irmãa, lãa» [Leão 1576: 4v, 83]. Кроме того, он приводит соответствия латинского и романских языков.

<i>Latino</i>	<i>Italiano</i>	<i>Castelhana</i>	<i>Portugues</i>
clamare	chiamare	llamar	chamar
clavis	chiave	llave	chave
flamma	flamma	llama	chama
plaga	piaga	llaga	chaga
planus	piano	llano	chão
plenus	pieno	lleno	cheio
pluma	piuma	pluma	chumaço
plūbum	piompo	plomo	chumbo
pluvia	pioggia	lluvia	chuva
pluit	piove	llueve	chove
plantago	plantagine	llantén	chantagê
amarunt	amarono	amaron	amarão

[Leão 1576: 29v]

Нунеш де Леан приближается к современному пониманию этимологии, отказываясь от рассмотрения этимологии в связи с проблемой именования и отражения в имени свойств вещи и прямо указывая на произвольность именования. Автор трактата о происхождении португальского языка приводит списки слов, проникших в португальский из латыни, греческого, арабского, французского, итальянского, германского. Нунеш де Леан останавливается на фонетических и семантических изменениях слова при выяснении его происхождения. Именно обращением как к семантике, так и к фонетическому облику слова объясняется успешность его этимологий.

Важнейшая инновация состоит в том, что предметом внимания становится не соответствие имени и вещи, а происхождение и история слова вне связи с решением вопроса о соответствии означающего и означаемого. Фонетические и семантические соотношения рассматриваются между современным словом португальского языка и его этимологом лишь с целью установления их исторической связи. При этом автор прибегает к фонетическим соответствиям между португальским и латынью, другими романскими языками, выявленным им в раннем орфографическом трактате. В результате из приведенных им этимологий 1662 португальских слов, значительная часть является правильной.

Agora de hac hora [...]

Ancho de amplo mutata muta cum liquida in ch [Leão 1606: 53]

Quente de caleo, es, quase calente [Leão 1606: 58].

Dos vocabulos que os portugueses tomaraõ dos arabes. [...]

Açafrõ Zaafaram [Leão 1606: 61–62].

Aljofar de julfar ilha de Ormus, lugar onde le pesca [Leão 1606: 64].

Dos vocabulos que os portugueses tomaraõ dos Franceses. [...]

Dama por senhora dame. [...]

Embaixador embaixadeur¹ [Leão 1606: 64].

Все это свидетельствует о процессе формирования в лингвистике XVI–XVII вв. исторического подхода к языку, близкого к современному пониманию этимологии, которое подводит к опыту создания этимологического словаря.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИСКУРСА

Нельзя не упомянуть в этой статье еще об одном аспекте, отчасти связанном с лексикой, – о проблематике дискурса, внимание к которой связано с появлением грамматик, описывающих живой язык для обучения успешной коммуникации на нем. В португальской традиции первые сочинения такого типа представлены миссионерскими грамматиками языков новооткрытых территорий, а также первой грамматикой португальского языка для иностранцев [Anchieta 1595; Figueira 1621; Estêvão 1640; Pereira 1672]. Авторы этих сочинений представляют достаточно широкий спектр дискурсивных слов и дают примеры их употребления. Этот новый для лингвистики изучаемой эпохи аспект рассматривался в [Косарик 2016; Kossarik 2016a].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

I. Португальские грамматики, трактаты и диалоги о языке свидетельствуют, что в рассматриваемую эпоху происходят важные изменения, связанные с описанием слова.

1. Для понимания слова как основной единицы языка характерно утверждение идеи членимости слова (продолжается процесс выделения его значащих частей); рассматривается вопрос делимитации слова.

2. В связи с вопросами словообразования грамматисты эпохи рассматривают место вопросов словообразования в грамматическом описании, останавливаются на способах словообразования (деривации и композиции), касаются проблематики словообразовательной модели и словообразовательного правила.

3. Намечаются новые подходы к классификации лексики: уменьшается внимание к выделению лексико-семантических классов при описании морфологии частей речи; словарный состав характеризуется с позиций исторических изменений, употребительности, лексической семантики, мотивированности, частотности слова; классификация лексики в большой степени связана с вниманием к вопросам нормы.

4. Зарождение исторического подхода к языку проявляется, в частности, в описании лексики.

5. Задача обучения коммуникации на живом языке определяет внимание авторов некоторых типов грамматик к дискурсивным словам.

II. Изменения в представлении вопросов лексики в рассмотренных сочинениях свидетельствуют об идущем процессе структурирования научного знания, способствующего становлению зрелой науки о языке.

---

¹ Хотя это заимствование из провансальского, а не французского, этимология Нунеша де Леан отражает его галло-романское происхождение.

1. В XVI–XVII вв. утверждается тенденция к четкому разделению лексико-логической и грамматической проблематики, намечается выделение словообразования в самостоятельную область лингвистики.

2. Сочетание нескольких факторов – формирующийся исторический подход к языку, задача представления происхождения (источников) португальской лексики, отказ от поиска свойств вещи в имени, выявление исторических процессов в фонетике и учет семантических соответствий между предполагаемыми этимонами и португальскими лексемами – подводит к новому, близкому к современному пониманию этимологии.

3. Намечаются принципы создания новых типов словаря: орфографическо-го и этимологического.

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов 2005 – *Алпатов В.М.* История лингвистических учений. М.: Языки славянской культуры, 2005. 368 с.

Косарик 2016 – *Косарик М.А.* У истоков идей проблематики дискурса и функциональной грамматики. Первые описания языков Бразилии и Индии (Аншьета 1595, Фигейра 1621, Эштеван 1640), первая грамматика португальского языка как иностранного (Перейра 1672) // *Stephanos*. 2016. № 5(19). С. 9–25.

Косарик 2007 – *Косарик М.А.* Академический словарь португальского языка – история и современность // *Язык и действительность: Сборник научных трудов памяти В.Г. Гака*. М.: ЛЕНАНД, 2007. С. 583–589.

Косарик 2013а – *Косарик М.А.* Вопросы синтаксиса в португальских сочинениях о языке XVI–XVII вв. // *Древняя и новая Романия*. 2013. Т. 11. № 1. С. 88–114.

Косарик 2005 – *Косарик М.А.* Описание языка в эпоху становления лингвистики Нового времени – роль португальской традиции // *Научные доклады филологического факультета МГУ*. Т. 5. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. С. 86–118.

Косарик 2013b – *Косарик М.А.* Описание языковой системы в ранних лингвистических памятниках Португалии. Т. I. Фонетика. Морфемика. Морфология именных частей речи. М.: МАКС Пресс, 2013. 228 с.

Косарик 1995 – *Косарик М.А.* К проблеме традиции и инновации в истории языкознания. Ренессансная и современная лингвистические парадигмы – связь эпох // *Вестник Московского университета. Серия 9, Филология*. 1995. № 5. 104–116.

Косарик 2013с – *Косарик М.А.* Социолингвистическая проблематика в ранних португальских сочинениях о языке. М.: МАКС Пресс, 2013. 208 с.

Курилович 1962 – *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1962. 352 с.

ЛЭС 1990 – *Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР*. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.

Семенюк 1996 – *Семенюк Н.Н.* Формирование литературных норм и типы кодификационных процессов // *Языковая норма. Типология нормализационных процессов*. М.: Институт языкознания (ИЯ) РАН, 1996. С. 23–47.

Aldrete 1606 – *Aldrete B.* Del origen, y principio de la lengua castellana ò romãce que oi se usa en España. Roma: Carlo Willieto, 1606. 390 p.

Alvares 1572 – *Alvares M.* Emmanuelis Alvari [...] grammatica libri tres. Olyssipone: Ioannes Barrerius, 1572. Fols. 243.

Anchieta 1595 – *Anchieta J. de*. Arte de grammatica da lingua mais usada na costa do brasil. Coimbra: Antonio de Mariz, 1595. Fols. 59.

Barbosa 1611 – *Barbosa A*. Dictionarium lusitanicolatinum. 2ª Edição. Fac-simile da edição de 1611. / Organização e introdução Head B.F. Universidade do Minho, Centro de Estudos Humanísticos. 2007. P. 1208 (+ 25).

Barros 1540 – *Barros J. de*. Grammatica da lingua portuguesa. Dialogo em louvor da nossa linguagem. Olyssipone: Lodovicum Rotorigiū, 1540. Fols. 60.

Cardoso 1570 – *Cardoso J*. Heronymi Cardosi Lamacensis Dictionarium. Ulissipone: Ioannis Aluari, 1570. Fols. 372.

Estêvão 1640 – *Estêvão T*. Arte da lingua Canarim. Rachol: Collegio de S. Ignacio da Companhia de Jesu, 1640. Fols. 55.

Faria 1624 – *Faria M. Severim de*. Discursos varios politicos. Evora: Manoel Carvalho, 1624. Fols. 185.

Figueira 1621 – *Figueira L*. Arte da lingua brasilica. Lisboa: Manuel da Silva, (1621). Fols. 91.

Gândavo 1621 – *Gândavo P. Magalhães de*. Regras [...] ortografia da lingua portuguesa [...] Dialogo em defensam da mesma lingua. Lisboa: Antonio Gonçalves, 1574. Fols. 40.

Kossarik 2016a – *Kossarik M.A*. Na nascente das ideias do discurso, da gramática funcional comunicativa – obras missionárias (J. de Anchieta, L. Figueira, T. Estêvão) e de B. Pereira // CONFLUÊNCIA. Revista do Instituto da Língua Portuguesa. Rio de Janeiro. 2016. Nº 51. P. 22–43.

Kossarik 2015 – *Kossarik M.A*. Universalização de conceitos linguísticos como etapa da consolidação da ciência – contribuição dos filólogos portugueses // CONFLUÊNCIA. Revista do Instituto da Língua Portuguesa. 2015. Nº 49. P. 162–200.

Kossarik 2003 – *Kossarik Marina*. Monumentos Linguísticos Portugueses dos Séculos XVI e XVII // CONFLUÊNCIA. Revista do Instituto da Língua Portuguesa. 2003. Nº 25 e 26. P. 93–174.

Kossarik 2002 – *Kossarik Marina*. A obra de Amaro de Roboredo. Questões de historiografia linguística portuguesa // Amaro de Roboredo. Methodo Grammatical para todas as Linguas. Edição de Marina A. Kossarik. Lisboa: Imprensa. Nacional-Casa da Moeda. Filologia portuguesa. P. 7–63.

Kossarik 2016b – *Kossarik Marina*. Early Portuguese treatises and the case of scientific paradigms. Interparadigmatic periods and the two hyperparadigms linguistic history // C. Assunção, G. Fernandes, R. Kemmler (eds.). Tradition and Innovation in the History of Linguistics: Contributions from the 13th International Conference on the History of the Language Sciences (ICHoLS XIII), Vila Real, 25–29 August 2014. Münster: Nodus Publikationen, 2016. P. 185–195.

Leão D. Nunes de. Origem da lingua portuguesa. Lisboa: Pedro Graesbeck, 1606. P. 155. Fols. 83.

Leão 1576 – *Leão D. Nunes de*. Orthographia. Lisboa: João Barreira, 1576. Fols. 88.

Leite 2011 – *Leite M*. *Quadros*. Considerações sobre uso e norma na Gramática Portuguesa – O Methodo Grammatical para todas as Linguas (1619), de Amaro de Roboredo // Filologia e Linguística Portuguesa. 2011. Vol. 13. Nº 2. P. 337–368.

Oliveira 1536 – *Oliveira F. de*. Grammatica da lingoagem portuguesa. Lisboa: Germam Galhardo, 1536. Fols. 40.

Pereira 1672 – *Pereira B*. Ars grammaticae pro lingua Lusitana. Lugduni: Laurentius Anisson, 1672. P. 323.

Pereira 1647 – *Pereira B*. Thesouro da lingua portuguesa. Lisboa: Paulo Craesbeeck, 1647. Fols. 97.

Resende 1540 – *Resende A. de. L. Andreae Resendii de verboru(m) coniugatione commentarius*. Olissipone: Apud Lodovicū Rhotogirium, 1540. Fols. 58.

Robins 1974 – *Robins R. H.* Breve historia de la linguística. Madrid: Paraninfo, 1974. P. 239.

Roboredo 1619 – *Roboredo A. de.* Methodo grammatical para todas as linguas [...]. Lisboa: Pedro Craesbeeck, 1619. P. 248

Roboredo 1621 – *Roboredo A. de.* Raizes da lingua latina mostradas em hum tratado, e dictionario: isto he, hum compendio do Calepino com a composição, e derivação das palavras, com a ortografia, quantidade e frase dellas. Lisboa: Pedro Craesbeeck, 1621. P. 443.

Roboredo 1625 – *Roboredo A. de.* Grammatica latina de Amaro de Roboredo mais breve e fácil que as publicadas até agora na qual precedem os exemplos aas regras [...]. Lisboa: Antonio Alvarez, 1625. P. 176.

Scotus 1902 – *Scotus D.J.* De modi significandi, sive Grammatica speculaiva. Ad Claras Aquas, 1902¹. P. 190.

Sousa 1535 – *Sousa M. de.* Institutiones tum lucide, tum compendiose, latinarum literarum, tradite dialogo, candidis ac vere pijs Cenobitis Sancte Crucis [...]. Colimbricie: apud Coenobium Dive Crucis, 1535. Fols. 40.

Távora 1566 – *Távora F. de.* Grammatica hebraea. Conimbricae: Apud Ioanem Aluarum, 1566. Fols. 67.

Vera 1631 – *Vera A. Ferreira de.* Orthographia. Breves louvores da lingua portuguesa. Lisboa: Manuel Rodrigues, 1631. Fols. 44.

Verdelho 1999 – *Verdelho T.* O Calepino em Portugal – a obra lexicográfica de Amaro Reboredo // Revista portuguesa de filologia. 1999. № 23. P. 125–149.

REFERENCES

Alpatov V.M. (2005) History of Linguistic Conceptions. Moscow. 368 p.

Kossarik M.A. At the Rise of Discourse and Functional Grammar Studies: (Anchieta 1595, FIGUEIRA 1621, Estêvão 1640, Pereira 1672). *Stephanos*. 2016. № 5(19), pp. 9–25.

Kossarik M.A. The Academic Dictionary of Portuguese – History and Modernity. In: Language and Reality. In Memoriam of V.G. Gak. Moscow. 2007, pp. 583–589.

Kossarik M.A. Syntax Problems in Portuguese Linguistic Theses of the 16–17th. *Ancient and New Romagna*. 2013. Vol. 11. No 1, pp. 88–114.

Kossarik M.A. The Description Language in the Epoch of New Time Linguistics – the Role of the Portuguese Tradition. In: Scientific Papers of the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University. Vol. 5. Moscow State University Press. 2005, pp. 86–118.

Kossarik M.A. (2013) The Description of Language System in Early Portuguese Treatises on Language. Vol. I: Phonetics. Morphemics. Morphology of Nominal Parts of Speech. Moscow. MAKS Press Publ. 228 p.

Kossarik M.A. On the Problem of Tradition and Innovation in the History of Linguistic Studies. Renaissance and Contemporary Linguistic Paradigms: Two Epochs' Bondage. *Moscow State University Bulletin. Series 9, Philology*. 1995. No 5, pp. 104–116.

Kossarik M.A. (2013) Renaissance Portuguese Treatises on Language: Sociolinguistic Aspects. Moscow. MAKS Press Publ. 208 p.

Kurilovič J. (1962). Essays on Linguistics. Moscow. Innostrannaja Literatura Publ. 352 p.

Linguistic Encyclopedic Dictionary / V.N. Yartseva (ed.). RAS. Moscow. Sovetskaya Enciclopedia. 1990. 682 p.

---

¹ Приписывавшаяся Дунсу Скоту грамматика Томаса Эрфуртского. – М.К.

Semeniuk N.N. Formation of Literary Norms and Types of Codification Processes. In: Language Norm. Typology of Normalization Processes. Moscow. 1996, pp. 23–47.

Сведения об авторе:

Марина Афанасьевна Косарик,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Marina A. Kossarik,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
olissipo@yandex.ru